

Вадим Филатов.

Книга Несуществования.

«Книга никогда не существовала прежде, чем была написана, поэтому, существует безначальное несуществование книги».
(Свами Сухотрой - Шесть систем Ведической философии).

«Человек овладевает истиной через смерть».
(Ж.Батай).

Содержание:

ВВЕДЕНИЕ. ВОЗВРАЩЕНИЕ ФИЛОСОФИИ К ЕЁ ИСТОКАМ.

ГЛАВА 1.КАПИТАН ДУШИ.

ГЛАВА 2.ВОЗМОЖНО ЛИ МЫШЛЕНИЕ БЕЗ СТРАХА?

ГЛАВА 3. ТЁМНЫЕ ЗВЁЗДЫ НЕБЫТИЯ.

1).ВОЛЯ К СМЕРТИ.

2).НЕБЫТИЕ ЕСТЬ, А БЫТИЯ НЕТ.

3).НИЧТО НИЧТОЖИТ.

4).ПРИЧАСТИЕ ПУСТОТЫ.

5).ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ БУДУЩЕЕ.

***ГЛАВА 4.ДУХОВНАЯ ГОРИЗОНТАЛЬ НИЧТО. ГЛАВА 5.ИСХОД.
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ДВЕНАДЦАТЬ ТЕЗИСОВ О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ***

ВВЕДЕНИЕ. ВОЗВРАЩЕНИЕ ФИЛОСОФИИ К ЕЁ ИСТОКАМ.

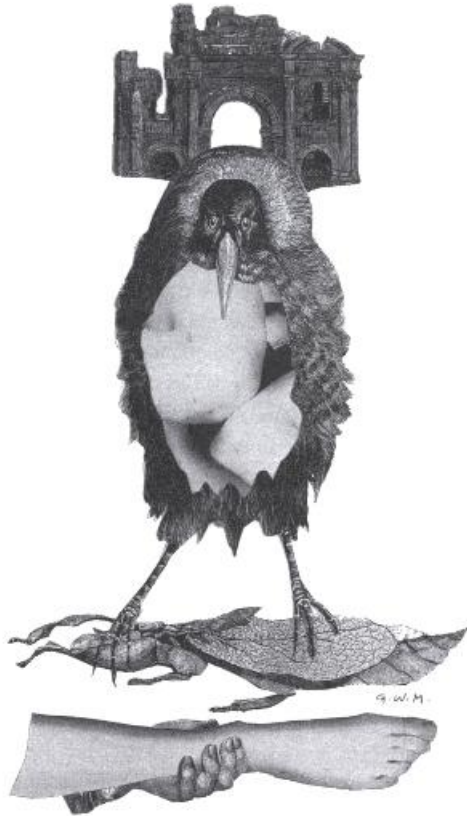
«Когда слушающий не понимает говорящего, а говорящий не знает, что он имеет в виду – это философия»

(Вольтер)

Сегодня уже становится очевидным, что так называемая академическая философия давно вышла за пределы своей естественной среды обитания, в которой философия и сформировалась в Древней Греции, и превратилась в мёртвую систему ритуальных заклинаний онанистов псевдокультуры, именуемую «философским дискурсом». Но именно сейчас, когда мир превращается в один большой постструктуралистский проект, философия покидает носителей этого дискурса и возвращается к своим истокам, иллюстрируя собой модель Элиаде – модель вечного возвращения.

Философское творчество сегодня становится психотехническим приемом, с помощью которого мыслящий человек, во-первых, настраивает себя на соответствующее отношение к жизни, а во-вторых проверяет, насколько ему это удалось. Исходя из самой природы философии, позиция независимого мыслителя, не преследующего целей материального благополучия и служебного продвижения, не только обеспечивает относительную анонимность, но и отрицает конвенциональную возможность подхода к философии как бесконечному аутистическому процессу толчения воды в ступе. Этот процесс вполне соответствует аутентике сегодняшней философии, как продукта современной цивилизации с ее разложившимися институтами информационного насилия.

Современность обеспечила возврат философии в изначальную среду ее обитания, что заставляет говорить о стиле вместо привычного для академического агитпропа "профессионального подхода". Более того, сам квазипрофессиональный подход стал свидетельствовать не только о провинциализме его сторонников, но — в силу своей неадекватной оценочности — о симуляционности профессиональной философии в целом. Последняя давно уже выступает в качестве удобной конвенции, замещающей сакральную эстетику философской духовности конформистской спекулятивностью философствующих ремесленников. Однако профессиональную философию рано хоронить, ибо она имплицитно выполняет смыслообразующую функцию - постольку, поскольку ярко отражает процессы фатального распада разлагающейся химеры современного мира.

ГЛАВА 1. КАПИТАН ДУШИ.

"Премудрый человек не обладает человечностью.
Для него все люди - словно соломенные собаки".
(Лао-Цзы).

В духе Эдгара По, но совсем не страшно.

Гуляя вместе с моим покойным другом Александром Чавушяном в окрестностях Великого Новгорода, мы вышли на оставленную кем-то поляну, где живописно открывался вид на пепелище от сгоревшего костра и кучи отбросов. "Вот это напоминает мне наше поколение, которое "мы вместе", - сказал я, показывая на отбросы. "Да нет, мы, скорее, сгоревшее", - ответил мне Чавушян.

Макиавелли говорил: "То, что в обычной жизни называется убийством, в политике именуется - "нанести большой урон неприятелю". Применение насилия, которое раньше было рассеянно, теперь сконцентрировано.

Приговорённый ложится на медицинский стол для получения смертельных инъекций. Казнь состоит из трёх этапов, в процессе которых в вену вводятся три раствора, первый лишает его сознания, второй останавливает работу лёгких, а третий останавливает сердце.

Согласно туманному выражению Ясперса: "человек видит мир человеческой деятельности в действительности государства как безжалостной непреклонности". Начиная с эпохи Сократа, демократия была и остаётся непреклонна к срывающим с неё маски, которые скрывают её постановочный

характер. Разница между театром и демократией заключается в том, что театр честно и правдиво признаёт, что он - театр. Демократия же, в отличие от театра, лживо пытается скрыть, что она - тоже театр. Что касается так называемой российской демократии, то она представляет собою даже не театр, а цирк клоунов.

Ожидая казни, смертник пишет несколько писем друзьям и эссе - для публикации. Это, по его мнению, должно дать исчерпывающий ответ на вопрос, почему он сделал то, что сделал. "Изучив внешнюю политику государства, я решил послать сигнал власти, которая становилась все более агрессивной. Моё действие в нравственном и стратегическом смысле было эквивалентно воздушным ударам по городам и мирному населению заведомо неспособных защитить себя стран". Это означает, что государство напрасно претендует на монополию легитимного применения насилия.

Присутствовавшие на казни свидетели вспоминают:

-Он смотрел так, будто хотел сказать, что получает не то, что заслужил, а то чего хотел. Я чувствую себя обманутой.

-Мы надеялись, что, хотя бы перед смертью, он скажет что-то вроде "извините", но в его взгляде я ничего такого не прочла.

-Не сказав ни слова, он оставил последнее слово за собой.

Однако последнее слово всё-таки было сказано. За два дня до казни, через адвокатов он распространил стихотворение английского поэта XIX века Уильяма Хенли "Invictus" ("Непобедимый"):

INVICTUS

Из ночи, которая меня окружает,
Чёрной, как шахта,
Я благодарю богов,
Давших мне непобедимую душу.
В тисках обстоятельств
Я не хмурился и не рыдал.
Под ударами судьбы
Моя голова окровавлена,
но не сломлена.

За этим местом гнева и слёз
Нет ничего кроме ужаса тени.
Но, не смотря на угрозу,
которую несут мне годы,
Я не пугался и не испугаюсь.
Неважно, как узки врата,
Неважно, как много
преступлений в свитке,
Я властелин своей Судьбы,
Я капитан своей Души.

William Henly.

... "Лучше пусть искра моей жизни погаснет, ярко вспыхнув, чем тлеет вечно в

пыли. Лучше блистать как метеор, чем быть мрачной вечной луной. Я хотел бы быть золой, но не пылью". Jack London, 1906.

ГЛАВА 2. ВОЗМОЖНО ЛИ МЫШЛЕНИЕ БЕЗ СТРАХА?

«Нам нечего бояться, кроме самого страха».
(Ф.Рузвельт)

Последний взгляд человека можно по праву назвать моментом истины.

Умирая, человек с облегчением видит, что многие его страхи были абсолютно напрасны. Ежедневно настигая смерть, человек приходит к пониманию этой истины ещё при жизни. Так начинается мышление без страха.

Человек обладает мышлением и, единственный из всех живых существ, знает о своей конечности. Предчувствие гибели, свойственное животным, в человеческом мышлении становится философией. Так, библейский мыслитель Екклесиаст, справедливо заметил, что «кто умножает знание, тот умножает скорбь». Возможно, поэтому человек стал единственным существом на Земле, систематически и целенаправленно уничтожающий сам себя и себе подобных. Это стало для нас одним из иллюзорных способов обретения свободы выбора.

«Знать, что ты смертен, означает умереть как минимум дважды, нет, означает умирать всякий раз при мысли, что ты должен умереть», - писал румынский

мыслитель Эмиль Чоран. И действительно, что ужаснее - ужас без конца или ужасный конец? Весь ужас заключается в том, что часто люди, не исключая и маленьких детей, бывают вынуждены претерпеть и то и другое. И здесь едва ли поможет известный философский парадокс Эпикура, согласно которому смерти для человека не существует, ибо пока он жив — смерть ещё не пришла, а когда наступила смерть — нет самого человека. Разумеется, Эпикур стремился преодолеть не саму смерть, а страх перед ней, который, по его мнению, наряду со страхом перед богами отравляет человеческую жизнь и делает людей несчастными. Относительно богов Эпикур скорее всего заблуждался, ведь представления о богах существуют во многом именно чтобы помочь в преодолении страха смерти. А люди действительно боятся не столько самой смерти, сколько связанных с нею мучений и в этой связи можно считать удачей те эпизоды, когда смерть наступает внезапно.

Вот умирает женщина. Вначале она пожелтела, потом у неё раздулся живот и она стала страшно хрипеть. Через некоторое время она впала в кому, но ещё несколько дней продолжала хрипеть и стонать. Наконец, у неё хлынула горлом кровь, и она умерла, но даже после этого кровь продолжала сочиться. Быть может, какая-то сила, наблюдая наши страдания, проводит опыты над людьми?

Известный датский философ 19 века Сёрен Кьеркегор большое внимания уделял именно подготовке к смерти («Болезнь к смерти») и, видимо, поэтому пришёл к пониманию трагической сущности человеческой жизни. Но, если жизнь есть не что иное как страдание страх и вина, то присутствует ли в ней хоть какой-нибудь смысл? Оправдана ли привязанность к жизни? И если жизнь лишена ценности, то не всё ли равно как жить?

Окончательная альтернатива, к которой пришёл Кьеркегор, выглядит так: либо разум, либо отчаяние. Жизнь, наполненная страданиями, приобретает смысл и оправдание как путь ко спасению через искупление страданием. Человек страдает не столько непосредственно от трагизма собственной жизни, сколько от разумного осмысления и осознания неизбежности этого трагизма, который венчается более или менее мучительной смертью. Поэтому разум выступает в качестве родового проклятия человека. Не случайно, как повествует Библия, после того, как первые люди вкусили плоды с древа познания, они утратили рай. Понятная аллегория - ведь животные до сих пор пребывают в райском неведении, и относительно собственной смерти в том числе. Согласно учению Кьеркегора, если разум приводит людей к отчаянию, то спасти от него способна исключительно вера. Страх смерти у искренне верующего человека уступает место её ожиданию в качестве единственно-возможной окончательной истины и избавления. Страх устраняется отрицанием смерти, а пренебрежением к жизни, волей к смерти, преклонением перед ней. «Смерть есть всеобщее счастье всех людей... Смысл и назначение жизни — довести себя до высшей степени презрения к жизни», - подытожил в своём «Дневнике» Кьеркегор.

Не быть, не существовать — самая страстная потребность человеческого разума с момента, когда разум сознаёт себя в унижительном состоянии одной из функций человеческого организма, а возможно и раньше. «Быть может, высшее наслаждение рождения - это не что иное, как предвкушение смерти, разрыв

своей собственной жизненной сущности», - писал в своём эссе о трагическом чувстве жизни испанский философ Мигель де Унамуно.

Однако разум может стать из видового проклятия верным союзником человека. Для этого необходимо использовать его по назначению: не для придумывания предметов, делающих относительно комфортными неустранимые экзистенциальные страдания, а для того, чтобы честно взглянуть на мир и попытаться отыскать принципиальное решение проблемы. Совершенно очевидно, что лишено всякого смысла развивать материальную составляющую жизни человека, ибо как раз она в первую очередь и обречена на разрушение. Бессмысленны попытки зацепиться за вещи, социальные связи или даже за само время. «Я тщетно пытаюсь зацепиться за мгновения, они ускользают от меня, нет ни одного, которое не было бы мне враждебно, не отторгало бы меня, не уведомляло бы меня о своём отказе иметь со мной дело. Все они мне не доступны и одно за другим провозглашают моё одиночество и моё поражение», - писал Эмиль Чоран. - «Познание самого себя всегда обходится слишком дорого, как, впрочем, и познание вообще,- рассуждает он далее. - Когда человек доберётся до глубин, ему не захочется жить. В объяснённом мире ничто не может иметь смысла, кроме самого ничто. Предмет, который досконально осмотрели, лишается своей ценности. После этого ему лучше исчезнуть».

Именно в этой связи, человек, стремящийся мыслить честно, неизбежно обращает свой взор к Ничто, которое становится исходной точкой его метафизического пробуждения. При этом Ничто мыслится как единственная абсолютная истина, не боящаяся ничего, даже отрицания всякой истины и самой идеи истины. Получается так, что смысл жизни можно найти, но этот смысл отрицает её саму. Понять и принять первичность абсолютного Ничто, случайность и излишний (избыточный) характер Нечто — означает принять существующий ход вещей и встроиться в него. Если мыслить категориями китайского даосизма, то равносильно созерцанию Пути (дао), невидимого для большинства людей, воспринимающих проявленный материальный мир как единственную реальность и в силу этой причины бессмысленно блуждающих впотьмах. Человек бывает охвачен страхом, когда на что-то надеется: безнадежно больной боится врача, а верующий — Бога. Надежда умирает первой. Безнадежность — это свойство, доступное лишь очень сильным. Философия, дающая жизни смысл — это антифилософия Ничто: если хочешь ничего не бояться, следует помнить о том, что бояться нечего. Ибо ничего нет. Мы молоды, как наша Воля к смерти, и стары, как наши страхи умереть.

ГЛАВА 3. ТЁМНЫЕ ЗВЁЗДЫ НЕБЫТИЯ.

Сегодня ночью все будет хорошо.
Сегодня ночью все будет хорошо.
Будет ни лето, ни осень, ни весна, ни зима,
Никто не станет думать, и никто не сойдет с ума.
Никто не родится и никто не умрет,
И не покончит с собой, и никто никого не убьет.
Никто не будет уродлив, не будет красив,
Никто не будет мертв, зато никто не будет жив.
Сегодня ночью все будет хорошо.
Сегодня ночью нигде не будет ничего.
Сегодня ночью нигде не будет никого.
Сегодня ночью все будет хорошо.
(Михаил Науменко)

1). ВОЛЯ К СМЕРТИ.

Смертью уничтожается всё. Если бы было возможно простым волеизъявлением мгновенно и безболезненно перестать быть, человечество не просуществовало бы и двух- трёх поколений. Но механизм саморазвития и саморазрушения бытия предусматривает всевозможные уловки, с помощью которых заставляет людей цепляться за жизнь, пока, наконец, они всё равно с отвратительным гни-

ением не становится добычей могильных червей. Кто-то из философов сказал, что любая жизнь – это растянутое во времени умирание. Смерть каждое мгновение подходит всё ближе и ближе к своей жертве, уравнивает серийного убийцу детей и Льва Толстого, приводя их обоих в итоге к абсолютному нулю. Небытие представляет собою такую всеобъемлющую и единственную реальность, что бытие оказывается всего лишь иллюзорной видимостью. Бытие присутствует только вчера и сегодня, а Небытие было, есть и будет всегда.

В эпоху Зенона и Эпикура в Древней Греции жил философ Гегесий, прозванный Учителем Смерти. Он принадлежал к Киренской школе, основатель которой Аристипп учил, что смысл жизни заключается в наслаждениях, а потом совершил самоубийство. Гегесий был убеждён в том, что в мире царит страдание. Лучшее, что может сделать человек – это постараться не печалиться об этом и проявлять бесчувственность к смерти. Гегесий настолько убедительно показывал ничтожество жизни, что многие его слушатели совершили самоубийство и в результате ему запретили проповедовать его взгляды. Однако Гегесий, также как Артур Шопенгауэр, отрицавший волю к жизни и доживший до глубокой старости, вовсе не призывал к немедленному самоубийству – он проповедовал презрение к жизни и волю к смерти, то есть готовность умереть в любую минуту. Ведь, как говорил Фалес, между жизнью и смертью нет никакой разницы. Однако, когда его спросили – почему же он, в таком случае, не умрёт, он резонно ответил – именно поэтому.

В истории философии известна ещё одна воля – ницшеанская воля к власти, которая обычно рассматривается, как некое утверждение жизни. Однако воля к власти у Ницше вовсе не означает банальной тенденции к господствованию. Скорее это стремление выйти за пределы самого себя, проистекающее из ощущения недостатка и неполноты повседневного существования. Развивая концепцию Ницше, можно сказать, что воля к власти одновременно выступает в качестве воли к смерти или воли к Ничто, в которой, однако, имеет значение не столько результат, сколько сам процесс. Данный экзистенциальный императив предельно ясно прозвучал в высказывании Ж.Батая: «Умри, как собака!» Философское обоснование воли к Ничто, как проявления воли к власти можно найти в философии Хайдеггера: «Волить Ничто отнюдь не означает волить отсутствие всего действительного - нет, это как раз означает волить действительное, но только такое действительное, которое всё и повсюду уничтожает, т.е. волить уничтожение. И в такой волении власть по-прежнему обеспечивает себе возможность повелевания, возможность быть господином». (М.Хайдеггер. «Ницше и пустота»).

Что же представляет собой всепобеждающее Ничто? Рассмотрение данного понятия необходимо начать с выявления близких ему смыслов. В частности, в философской литературе часто проводится различие между тремя родственными блоками понятий: «небытие», «пустота» и «ничто». Однако, следует сделать оговорку относительно того, что перечисленные понятия в содержательном отношении весьма близки между собой. Поэтому их дифференциация носит достаточно условный характер.

2). НЕБЫТИЕ ЕСТЬ, А БЫТИЯ НЕТ.

Всех нас не будет. Хотя это уже было.

Простые люди слишком полагаются на то, что видят и слышат. Трудность в определении небытия заключается в том, что дух не имеет представления о Ничто. Он останавливается у той линии, за которой исчезают созерцание, и понимание. О Ничто невозможно создать ни образа, ни понятия, оно находится за пределами любых определений, потому что ничто – это и есть дух. Растворение духа в пустоте небытия – это самосознание духа.

Тем не менее, небытие обычно определяется как отсутствие бытия. Понятие «небытия» отличают от «ничто», если определять последнее как отрицание определённости. В историко-философской традиции небытие, как правило, лишается субстанциональной содержательности и рассматривается в качестве категории, противоположной бытию. Сложность осмысления «небытия», на которую указывал Парменид, заключается в следующем: небытие – это отсутствие, однако определение отсутствия должно быть основано на каких-нибудь признаках. С другой стороны, наличие признаков предполагает существование объекта описания. В результате возникает парадокс наличия отсутствия небытия. Этот кажущийся парадокс подводит к идее о самодостаточности и субстанциональности небытия – идее, которой владели древние и средневековые мистики. Правда, при этом они чаще оперировали понятием «ничто». Выражение «вселенная есть ничто», рассматривалось в контексте концепции о растворении человеческого духа в Абсолюте, составлявшей позитивный аспект многочисленных мистических учений. Сам же Парменид ошибочно отождествляет бытие с реальностью, отказывая тем самым в реальности небытию. В соответствии с его учением «бытие есть, а небытия нет», вследствие чего последнее невозможно помыслить и описать рационально. А основатель наиболее яркого древнегреческого материалистического учения Демокрит был напротив убеждён в существовании как бытия (атомов), так и небытия (пустого пространства между ними). При этом «небытие» у Демокрита, подобно «пустоте» в буддизме, рассматривается не как абсолютное отсутствие, а скорее в качестве некой особой формы существования. Помимо этого, идея Небытия, в виде предположения, присутствует в учении софиста Горгия, который заявлял, что во - первых ничего нет, во-вторых, если что-то есть, то мы об этом не узнаем и, в-третьих, если всё-таки узнаем, то не сможем рассказать другим. А разработавшие так называемую отрицательную или негативную теологию средневековые европейские богословы, использовали понятие Ничто, как указание на то, что природа Бога недоступна пониманию и находится за пределами всех возможных определений.

В целом же, афоризм Парменида о невозможности существования небытия надолго ограничил осмысление позитивной составляющей этого понятия. Европейская философская традиция в целом до сих пор отказывает Небытию в его

субстанциональности. Что касается российской философской литературы, то здесь можно отметить книгу Натана Солодухо "Философия небытия", в которой автор разработал теорию мира как единства бытия–небытия, сформулировал принципы и законы философии небытия, обосновал проблему соотношения бытия–небытия как исходную философскую проблему. Однако создатель "теории философии небытия" рассматривает её исключительно как метафизическую модель и не делает из полученных результатов никаких экзистенциальных выводов. Намного раньше субстанциональный смысл абсолютного Небытия был открыто провозглашён русским советским философом Арсением Чанышевым в написанном им ещё в шестидесятые годы двадцатого столетия, в условиях жёсткой цензуры «Трактате о небытии». Это произведение по понятным причинам было опубликовано сравнительно недавно и до сих пор воспринимается некоторыми представителями официальной бюрократической философии в качестве неудачной интеллектуальной шутки мыслителя, как нечто совершенно несерьёзное, философский курьёз. И действительно, в своём произведении Чанышев демонстративно нарушает все гласные и негласные принципы, в соответствии с которыми в течение многих десятилетий фабрикуются многословные и не представляющие ни малейшей ценности «философские» монографии - то есть, он выступил в роли нарушителя конвенции. Достаточно сказать, что философский трактат Чанышева написан понятным для всех языком, что само по себе является страшным ударом по имитационной стилистике бюрократической философии, в соответствии с которой, когда на вопрос отвечает философ, перестаёшь понимать вопрос. Говоря о характерном для большинства современных профессиональных философов терминологическом словоблудии, Эмиль Чоран, в частности отмечал, что самые банальные идеи, переведённые на философский жаргон, способны приобрести кажущуюся значимость и весомость: «Когда философ переходит на нормальный язык, сразу становится ясно, как мало ему есть что сказать. Я всегда считал, что философский жаргон — это невероятный обман». Если в древности силой слова останавливали солнце и разрушали города, то уже в средневековье пустопопорожня болтовня ни о чём стала престижным, хорошо оплачиваемым видом деятельности. Иначе говоря, имитаторы от философии не утверждают ничего, но утверждают это очень непонятными словами. Как говорил в 19 веке американский писатель Генри Торо: «В наше время существуют профессора философии, но не философы». Видимо, Чанышев стал редким исключением из отмеченной Торо закономерности. Согласно его взглядам, всё возникает из Небытия, в которое неизбежно в конце концов возвращается. Да и возникает ли в действительности это самое всё, или оно тоже, по крайней мере, потенциально, не существует? При этом бытие рассматривается им как временная и случайная аномалия всё того же Небытия. В подтверждение своей позиции Чанышев сформулировал следующие тезисы:

- 1) Небытие абсолютнее бытия в той же мере, в какой субстанция абсолютнее своих состояний;

2) Случайное абсолютно, а закономерное относительно, ибо ни один закон не может предусмотреть всех случаев. Вообще говоря, для случая нет закона. Закон есть только для случаев;

3) Небытие, в котором как в среднем погашаются все противоположности, есть абсолютное этих противоположностей. Вспомним хотя бы нулевую плотность во вселенной;

4) То, что есть – это лишь малая часть того, что есть, что было и что будет, т.е. Небытия;

5) Движущееся тело находится в одной, конечной части пространства, и не находится в другой, бесконечной части пространства; любое тело существует в конечной части пространства и не существует в его бесконечной части;

6) Все возникает на время, а погибает навечно. Возникновение и гибель неравномощны. Коль скоро время не феномен, а существенное свойство бытия, коль скоро все преходяще, то Небытие абсолютно, а бытие относительно. (И, следовательно, конец света неизбежен).

Таким образом, Чанышев считает, что лежащее в основе всего Небытие (пустота) иллюзорно выступает как мир в его кажущемся многообразии. Небытие первично, оно представляет собой нормальное состояние мира, в то время как бытие - всего лишь временное отклонение, форма существования небытия. Небытие небытия есть бытие. Поскольку небытие существует, не существуя, и не существует, существуя, оно есть время. Только небытие может быть и первопричиной и самопричиной: ведь то, что не существует, не нуждается в причине для своего существования. Всё большие скорости, всё более высокие темпы жизни, всё более дальние перемещения в пространстве, - разве это не стремление бытия хотя бы на миг оторваться от небытия?

«Мы все ходим по тонкому льду над океаном небытия. Чем интенсивнее бытие, тем оно более хрупко, тем оно сильнее подвержено гибели», - говорит Чанышев. – «Любовь - это попытка зацепиться за чужое бытие, и тем самым сделать своё бытие более устойчивым». Отсюда берёт начало и любовь к Богу: ведь часто именно перед лицом невыносимых физических и душевных страданий люди обращаются к Богу, пытаясь зацепиться за его вечность.

На эти доводы можно было бы возразить, например, следующим образом: всё преходяще в частных своих проявлениях, а в своих сущностных, то есть, в идеальных основаниях оно вечно. В таком контексте «ничто» можно одновременно рассматривать как «нечто». Может быть, это и есть та самая пустота или нирвана, которая «в позднем буддизме дхармы выступает как мир во всём его многообразии»?

В завершение своего трактата Арсений Чанышев утверждает мужество небытия, представляющее собой мужество абсурда, то есть самоутверждение бытия вопреки факту небытия. Помимо этого, его идеи порождают закономерный вопрос: каким образом изначальное и субстанциональное Небытие могло продуцировать бытие? Сама постановка данного вопроса

свидетельствует о том, что, несмотря на провозглашаемый Чанышевым последовательный материалистический подход, его философская концепция и вообще - всякое мужество быть (в том числе и вопреки небытию) - всё это имеет явные или скрытые идеалистические, в том числе и мистические основания. Согласно которым бытие и сопутствующие ему страдания иллюзорны, потому что Небытие есть, а бытия нет.

3). НИЧТО НИЧТОЖИТ.

Ничто— это термин, фиксирующий отсутствие качественной определенности, в отличие от небытия, которое, как уже было сказано, традиционно рассматривается в качестве отсутствия бытия в целом. Иногда Ничто отождествляют с небытием, то есть рассматривают в качестве простого отрицания бытия. Помимо этого, «ничто» имеет дополнительное онтологическое значение, выступая как активное начало отрицания, негативности.

В переносном смысле, понятие «ничто» используется как гипербола умаления значения объекта или явления.

Поскольку всякое сущее есть единство двух аспектов — бытия и сущности, постольку ничто, служащее отрицанием аспекта определенности, выступает одновременно и как отрицание бытия. Но «ничто» не есть «небытие». Анализируя эти понятия, мы видим разные смыслы отрицания. «Ничто» есть отрицание определенности, а небытие есть отрицание существования. Именно поэтому понятие Ничто так часто рассматривается в философской и религиозной мистике как лишённое определённости существование, то есть способно приобретать несвойственный Небытию позитивный смысл. Этот смысл заключается в том, что материальное «ничто» одновременно является духовным «всё».

Так, Платон и неоплатоники, Гегель и другие признавали «ничто» как ключевую категорию онтологии (как бог, бытие, абсолют и другие), отрицая таким образом принцип, согласно которому «из ничего ничто не возникает» (лат. *ex nihilo nihil fit*).

В другом подходе, который берёт начало в элейской школе древнегреческой философии, «ничто» проистекает из формального отрицания и определяется как формально-логическое понятие. При этом «ничто» обычно отождествляется с небытием. Великий греческий мыслитель Аристотель был убеждён в том, что философия начинается с удивления. Видимо поэтому философы не перестают удивляться жизни, которая дана человеку ради ничего.

Некоторые философы считают, что «пустота», «ничто» и тому подобное – всё это возможно лишь в качестве понятий, существующих в сознании человека. В материалистической философии понятие «ничто» вообще не является философской категорией, поскольку противоречит принципу неуничтожимости и единства материального мира.

С христианской точки зрения, вечное «ничто» является проявлением божественного вездесущия. Из ничего были сотворены и ангелы, и видимая Вселенная. В этой связи интересна книга библейского скептика Екклесиаста, в которой отсутствует какой-либо намёк на продолжение жизни после смерти. Екклесиаст не придумывает утешений наподобие привычных для нас представлений о вечности и жизни, которая в момент смерти не умирает. Его, мягко говоря, необычную для Библии позицию резюмирует риторический вопрос: «Что пользы работающему от того, над чем он трудится?» (3,9). Для подтверждения своих взглядов Екклесиаст берёт наилучший из возможных сценариев человеческой судьбы: рассказывает о царе, который познал и мудрость, и богатство, и власть. Царь преуспел во всех своих делах, он построил свой мир, он получил от жизни всё, чего только может пожелать человек. Но даже самая «удавшаяся» жизнь не может избежать конца, то есть смерти (2, 13-17). Плоды труда после смерти неизбежно попадают в чужие руки и вполне могут оказаться в руках безумных (2, 18-22). Иногда это происходит уже при жизни, но, в любом случае, последний удел человека – это тьма и несчастья (2, 21-23). В итоге Екклесиаст приходит к заключению, что даже при самом идеальном раскладе ничто в этой жизни не принадлежит человеку. Добавим - за исключением самого Ничто. Ведь понятие Ничто настолько всеобъемлюще, что с его помощью возможно объяснить природу самого Бога. Так, по словам испанского философа, большого любителя парадоксов Мигеля де Унамуну, «Мы создаем Бога, чтобы спасти Вселенную от ничто». Но возможно ли избавить Ничто от самого себя?

С диалектикой Ничто отчасти связано ключевое понятие иудейской Каббалы –

Эйн Соф, что означает «Безграничный» или «Беспредельный», Божество эмануирующее и распространяющееся. Эйн Соф пишется также как En Soph и Ain Suph, но никто, даже раввины, не уверены в написании гласных. У ранних халдейских каббалистов Эйн Соф означал нечто «без формы и существования», «не имеющее подобия ни с чем другим» (Франк, «Die Kabbala»). То, что Эйн Соф никогда не рассматривали как «Творца», утверждает такой ортодоксальный иудей, как Филон, который «Творца» называет Логосом, следующим за «Беспредельным», и «Вторым Богом». «Второй Бог есть мудрость его (Эйн Софа)», говорит Филон («Quaest. et Solut»). Таким образом, в религиозной метафизике древнееврейских философов Принцип Единого являлся абстракцией, подобно индийскому Парабрахману. Однако современные каббалисты весьма преуспели сейчас, с помощью софистики и парадоксов, в создании из Эйн Софа «Всевышнего Бога». «Божество есть Ничто; оно безымянно и поэтому названо Эйн Софом; при этом Эйн означает «ничто». (Франк, «Kabbala»).

Рассматривая далее эволюцию понимания "Ничто" в истории философии, мы обращаемся к учению Гегеля. Истоки своей диалектики бытия и ничто Гегель находит в предшествующих философских учениях: бытие в его чистой форме он впервые обнаруживает у Парменида, а ничто - в буддизме. Однако очевидно, что основным теоретическим источником для него явилось понимание вза-

имосвязи бытия и небытия, которое присутствует в философском учении Платона (диалог «Софист»). Платону удалось избавить бытие как идею от абстрактной тавтологичности и, определив небытие как иное бытию, постоянно ему сопутствующее, придать основным категориям динамику, выстроить онтологическую систему как комплекс взаимосвязей. Здесь трудно не заметить предвосхищение гегелевской онтологии, преодолевшей статичность и односторонность прежних философских систем.

Исходным пунктом теоретизирования для Гегеля явилось представление о полной абстракции и пустоте начала системы, которая, определившись и став "конкретнее" в ходе диалектического процесса, должна к этому началу вернуться. Бытие как абстрактная и неопределенная непосредственность отождествляется Гегелем с Ничто, и оба эти понятия, переходя друг в друга и исчезая друг в друге, становятся моментами становления. «Бытие и ничто исчезают друг в друге, так что реально существует лишь «движение непосредственного исчезновения одного в другом» (Гегель Г.В.Ф. Наука логики). Конечным пунктом философской системы Гегеля остаётся бытие, однако не абстрактное и пустое, а наоборот, полное и конкретное, характеризующее Абсолют, который есть бытие в его наиболее совершенной форме.

Однако, если следовать идее об изначальном и субстанциональном характере Ничто, который в этом отношении можно приравнять к Абсолюту, то тогда мы получим, что Ничто (Небытие), проходя через собственное осознание и отрицание посредством мыслящего бытия, в итоге вновь и окончательно возвращается к состоянию Абсолютного Ничто, то есть к небытию в его законченной и совершенной форме. При этом Абсолютное Ничто рассматривается как содержательное нечто, или, иначе говоря, как «духовное всё». А «Дух достигает своей истины, лишь находя самого себя в абсолютном разрыве», - утверждал Гегель. Таким образом, негативная интерпретация системы Гегеля позволяет сделать предварительный подход к пониманию объективного смысла материализации Ничто в форме разрыва непрерывности, то есть, временного перехода части небытия в бытие и обратно. Мы видим, что если бытие существует во времени, то Небытие – вне времени, т.е. в вечности, а их диалектическое взаимодействие переводит Абсолют на качественно более совершенную ступень субстанциональной трансформации.

Ещё один, намного менее известный немецкий философ, живший в 19 веке - Филипп Майнлендер, считал себя последователем пессимиста Артура Шопенгауэра, однако был убеждён в том, что философский пессимизм необходимо утверждать не только в теории, но и на практике. Поэтому, выпустив в свет книгу «Философия искупления», в которой он придал существованию мира смысл, чтобы со спокойной совестью его покинуть, Майнлендер с чувством глубокого удовлетворения совершил самоубийство. В своей книге он написал, что «Бог умер, и его смерть стала жизнью мира». Поэтому государство и общество должны стремиться к такому устройению, при котором формировалась бы

культура понимания бессцельности жизни и сотрудничества с Богом в его стремлении к Ничто.

Понятие «ничто» рассматривается и в философских текстах раннего Хайдеггера. «Исследованию подлежит сущее и более – ничто, одно сущее и кроме него – ничто; единственно сущее и сверх того – ничто», - писал он в своём докладе «Что такое метафизика?». – «Где нам искать Ничто? Как нам найти Ничто? ...Как бы ни обстояло дело, Ничто нам известно, хотя бы просто потому, что мы ежечасно, походя и бездумно, говорим о нем... Ничто есть полное отрицание совокупности сущего. Когда мы нападаем на след Ничто? Когда нас охватывает глубокая тоска, бродящая в безднах нашего бытия... Бывает ли в нашем бытии такая настроенность, которая способна приблизить его к самому Ничто? Это может происходить и происходит - хотя достаточно редко, только на мгновения - в фундаментальном настроении ужаса. Под «ужасом» мы понимаем здесь не ту слишком частую способность ужасаться, которая по сути дела сродни избытку боязливости. Ужас в корне отличен от боязни... Ужасом приоткрывается Ничто».

Очевидно, что речь у Хайдеггера идёт о «страшной пустотной мудрости Ничто», о которой говорилось выше. Философ подчёркивает первичный и основополагающий характер Ничто по отношению к бытию в целом и по отношению к субъективному восприятию бытия человеком: «Только на основе изначальной явленности Ничто человеческое присутствие способно подойти к сущему и вникнуть в него... Человеческое присутствие означает выдвинутость в Ничто... Выдвинутость нашего бытия в Ничто на основе потаенного ужаса есть перешагивание за сущее в целом: трансценденция. Наше вопрошание о Ничто призвано продемонстрировать нам метафизику саму по себе». Таким образом, согласно Хайдеггеру, сущность метафизики составляет погружение в Ужас Ничто. А без этого метафизика невозможна - независимо от того, задумываются ли об этом и отдают ли себе в этом отчет люди, которые пытаются рассуждать метафизически. Одновременно возникает новая формулировка основного вопроса философии: "почему вообще есть сущее, а не, наоборот, Ничто?" Таковы основные аспекты учения Хайдеггера о бытии и ничто.

Размышления на эту тему мы встречаем и в творчестве французского экзистенциалиста Жан-Поль Сартра, в частности, в его произведении «Бытие и Ничто». В этом трактате Сартр придерживается традиционных для философии взглядов на содержание небытия (ничто) как лишённого самостоятельной сущности и выступающего в качестве антитезы субстанционального бытия: «Итак, Ничто не есть. Если мы можем о нем говорить, то это потому, что оно обладает видимостью бытия, заимствованным бытием... Бытие, посредством которого Ничто приходит в мир, должно быть своим собственным Ничто». В действительности же, скажем мы, Ничто не приходит в мир, а творит этот мир, как и бытие в целом, в качестве своей временной аномалии. Во всяком месте и в любое время мы обнаруживаем Ничто – как единственную перспективу и неизбежность. В

принципе, каждое бытие представляет собой своё собственное Ничто, существующее по причине несуществования. Равно как и субстанциональное Абсолютное Ничто существует именно в силу своего несуществования, постоянно поглощая разрозненные фрагменты бытия. Ведь движение – это вечный процесс уничтожения. Такова основная онтологическая функция Ничто: оно ничтожит.

И наконец в восточной философской традиции понятие, близкое к Ничто (но не тождественно ему) обычно обозначается как «пустота».

4). ПРИЧАСТИЕ ПУСТОТЫ.

Сквозь тебя, сквозь меня
катит волны свои пустота,
на заре проступая прожилками крови,
мёртвой гипсовой маской, в которой застыла
мгновенная мука пронзённой луны.
Посмотри, как хоронится всё в пустоту.
И покинутый лес и огрызки от яблок.
Посмотри, как тосклив ископаемый мир,
не нашедший следа своих первых рыданий.

(Ф.Гарсиа Лорка.)

Существующие пары философских категорий, такие, как истина и заблуждение, жизнь и смерть, свобода и рабство, красота и уродство, наслаждение и страдание, любовь и ненависть, разрушение и созидание и другие, представляют собой отражение Абсолютной Пустоты двумя зеркалами.

В восточной мудрости есть древняя концепция Небытия (Пустоты), которая нашла своё отражение в современной физике (теория вакуума) и в космологии.

Уже в «Ицзин» - китайской классической «Книге перемен» - мир выплывает из Небытия, становясь на время одним из его состояний и, подчинившись ритму мирового развития, реализовав свою основную возможность самопознания, возвращается обратно в вечность Небытия, согласно принципу движения «туда – обратно». Мир растворяется в Небытии, которое представляет собой возмож-

ность бесконечного творчества» («Книга Перемен»). Небытие обладает особой созидательной функцией – возможностью творить из Ничто новое Ничто.

Концепцию Пустоты мы встречаем и в философии даосизма. В качестве примера можно привести даосский канонический текст под названием «Книга эзотерического объяснения трёх небес», в котором содержится легенда о рождении основателя даосизма Лао-цзы. В тексте упоминается Пещера Пустоты, внутри которой родилось Великое Отсутствие. Как это принято в даосизме, указанные понятия скрывают в себе множество смыслов и дают различные возможности для интерпретации. Сам Лао-Цзы писал о Пустоте следующее: «В мире все вещи рождаются в бытии, а само бытие рождается из Небытия». Таким образом, всё возникает из Небытия и, совершив цикл своего развития, растворяется в нём. Небытие (Пустота) бесформенно и абсолютно, поскольку является всем и содержит в себе всё. «Врата природы – Небытие. Вся тьма вещей выходит из Небытия. Бытие не способно стать бытием с помощью бытия, оно должно выйти из Небытия. Небытие же владеет Единственным Небытием», - говорил ещё один даосский философ, Чжуан-цзы.

Намного чаще философское понимание Пустоты связывают с традициями индийской философии. «Мрак был сокрыт мраком вначале. Неразличимая пучина - все это. То жизнедеятельное, что было заключено в пустоту, Оно одно было порождено силой жара», - повествуют священные тексты «Ригведы» о происхождении мира. Учение о Пустоте занимает важное место и в философии буддизма. Так, когда Будда достиг просветления, в течение нескольких недель после этого он не давал никаких учений. Все это время он пребывал в медитации на пустоту. Затем к Будде пришли мирские боги – и попросили его дать учение ради блага всех живых существ, вращающихся в сансаре. Будда сказал им: "Я реализовал драгоценнейшее из всех учений, но если я сейчас открою его людям, оно не принесет им пользы. Поэтому пока я буду хранить молчание". В данном случае Будда имел в виду учение о пустоте.

Шуньята (на языке пали: sunnata, буквально — «пустота, ничто, несуществование») — понятие буддизма, полагающее отсутствие собственной природы вещей и феноменов (дхарм) в виду их обусловленности и взаимозависимости. «Для того, для кого ясна пустота, Всё становится ясным», говорил живший в Индии в 3 веке буддийский философ Нагарджуна, обозначивший смысл «развития природы Будды». Нагарджуна учил, что за пределами сети зависимого происхождения причин и следствий находится пустота. Согласно его взглядам, Будда проповедовал две истины. Первая – истина мирских условностей, созданная Буддой из сострадания, чтобы помочь тем, кто находится на пути ко второй, конечной истине, которая есть Пустота. Человеческий разум бессилён в познании мира, которого нет. Помимо этого, и сам для себя разум также непостижим, то есть пуст. В основании человеческого познания мира находится поиск причинности. Однако «ни существующая, ни несуществующая вещь не может иметь причину: причиной чего является условие, если вещь не суще-

ствует? Если же вещь существует, для чего тогда причина?» (Нагарджуна, «Мула-Мадхьямика-Карики»). Парадоксально, но именно пустота всего сущего делает его возможным.

Последователи буддийской Махаяны исходят из того, что физические элементы и состоящие из них физические тела не имеют конечного значения. Их доктрина Небытия или Универсальной Пустоты представляет собой доктрину универсальной относительности. Тождество феноменального и абсолютного, обусловленного и необусловленного, сансары и нирваны реально лишь с точки зрения вечности. Оно становится реальностью лишь после снятия феноменальной иллюзии. Пока эта иллюзия существует, Абсолютное Небытие присуще проявленному миру лишь в качестве возможности, но не как действительность. Человек, который избавился от феноменальной иллюзии, становится причастным к бытию Абсолюта, то есть, иначе говоря, причастным к вечности Универсальной Пустоты. То же самое можно сказать и относительно всего человечества, которое способно причаститься к вечности лишь на основе избавления от иллюзий.

Концепция Небытия присутствует и в исламском мистическом учении суфизма. Здесь мы снова встречаем представления об Универсальной Пустоте, которая метафорически обозначается как «бездонное море», лишённое формы и совершенно не доступное для рационального понимания и даже для мистического постижения. Это Небытие, которое в суфизме часто называют «непроявленной сущностью» или Аллахом, охватывает весь существующий мир и служит ему опорой. Именно в Небытии пребывают все потенциальные возможности мироздания.

Буддийская идея Пустоты нашла своё осмысление и в западной философии, где она сближается по смыслу с понятием «*nihil*» - Ничто. Так, согласно рассуждениям немецкого мыслителя Юнгера, - «мы славно потрудились на почве нигилизма... Мы уже давно маршируем по направлению к магическому нулевому пункту, переступить через который сможет лишь тот, кто обладает другими, невидимыми источниками силы... Мы возлагаем свои надежды на бунт против господства уюта, для чего требуется оружие разрушения, направленное против мира форм».

Существенные различия восточного и европейского подходов к пониманию Пустоты были отмечены Эмилем Чораном: «Небытие для буддизма, да и для всего Востока в целом, не содержит в себе того мрачного значения, которое придаём ему мы. Оно совпадает с последним опытом света или с состоянием вечного сияющего отсутствия, лучистой пустоты: это бытие, возобладавшее над всеми своими атрибутами или, скорее, в высшей степени позитивное несуществование, которое излучает нематериальное беспочвенное блаженство, не имеющее опоры ни в одном из миров».

В отличие от европейского, нигилистического понимания Небытия, в контексте восточной традиции оно выполняет важнейшую онтологическую функцию. Восточный взгляд на Небытие приводит к восприятию данного в опыте мира как временного частичного выражения того бесконечного мира Небытия, который стоит за ним.

Как известно, мировоззрение современной западной цивилизации основано на «научной картине мира». Предпочитая по привычке думать, что поклоняется Богу, западный человек на самом деле поклоняется научно – техническому прогрессу и регулирующей силе рынка. "Следует признать гипотезу существования внешних объектов, так как это создаёт фундамент для устойчивого единообразного верования, объединяющего всех людей"? то есть для науки – так говорил основатель американской философии прагматизма Чарльз Пирс. Тем не менее, восточные концепции Небытия весьма тесно перекликаются с некоторыми современными научными представлениями, например с физической теорией вакуума, способного породить из самого себя бесконечное множество вселенных. А вакуум – это и есть экспериментально достижимая Пустота. Помимо этого, модель Небытия (Пустоты) присутствует во Вселенной в виде чёрных дыр, ограниченных так называемым «горизонтом событий». Об этом рассказывает Стивен Хокинг в своей книге «Краткая история времени». (Нужно отметить, что его книга, помимо чисто научной информации, содержит массу любопытных философских вопросов, например, такой: почему мы помним прошлое и не помним будущее?). Всё, провалившееся за горизонт событий, попадает в область бесконечной плотности, где время заканчивается. Таким образом, горизонт событий напоминает край тени грядущей гибели. Сжатие звезды в состояние чёрной дыры аналогично последним стадиям коллапса всей Вселенной. Возможно, это и есть христианский Ад?

Недавно американские астрономы обнаружили в материальной вселенной пустое пространство протяженностью 1 миллиард световых лет (для сравнения, расстояние от Земли до Солнца составляет 8,3 световых минуты). Открытое учеными из Университета Миннесоты пустое пространство представляет собой гигантское Ничто, в котором нет обычных космических объектов: ни планет, ни галактик, ни даже «черных дыр». Естественно, что астрономы не понимают значения этой Пустоты. Подобные явления встречались им и раньше, но найденный участок в тысячу раз превосходит все пустоты, что были ранее известны науке. Один из первооткрывателей Великого Ничто - исследователь Лоренс Рудник- был чрезвычайно потрясен увиденным. «Мы не только нашли пустоту, которая оказалась больше других ранее известных - мы нашли такую огромную космическую Пустоту, которую мы и представить не могли», - заявил он. Его коллега Лилия Вильямс прокомментировала открытие в том же ключе: «То, что мы обнаружили – ненормально».

Известно, что вселенная наполнена звездами, пылью и газом, при этом большая часть ее невидима. Ученые знают о том, что в конкретной точке находится какой-то объект, поскольку могут замечать гравитационный эффект, исходящий

от так называемой «темной материи». Но в обнаруженной Пустоте отсутствуют даже скрытые массы. Причину возникновения такого огромного пустого пространства ученым пока выяснить не удалось. Совершенно очевидно, что в данной области вселенной абсолютно ничего нет. А может быть это и есть та область Абсолютного Ничто или чистой духовности, из которой когда-то всё произошло и которая когда-нибудь распространится и растворит в себе так называемый проявленный мир? И тогда наступит великий триумф Ничто. Фактически, его неизбежность уже сейчас, в явной или в скрытой форме, определяет весь ход бытия, и, в частности, освобождает человечество от несостоятельных иллюзий в отношении собственной значимости. Ведь познавая Абсолютное Ничто, человек освобождается от всего, даже от необходимости существовать в стаде и прославлять своего пастуха. А в этом вопросе каждый имеет очень небольшой выбор (как говорил Кьеркегор, «или – или»): либо уйти из стада в духовную эмиграцию, либо отождествить себя со стадом и, в результате, сделаться адептом и одновременно рабом присматривающего за стадом пастуха. Пустота обнажает пустоту и несостоятельность авторитета пастуха, сколько бы он ни щёлкал своим кнутом. Для того, чтобы разрушить представление о чьём-либо величии, достаточно лишь увеличить пространство. «Если все вещи пусты, кто кого должен прославлять?», - риторически вопрошает «Махаяна».

«Мы все помешанные и принимаем мнимость за реальность. Каждый живущий — безумец да еще слепец в придачу: он не видит иллюзорности мира, ему всюду мерещится прочность и полнота. Если же чудом ему удастся прозреть и обнаружить, что вокруг пустота, он расцветает. Пустота, замещающая реальность оказывается куда богаче, она — незыблемость и эфемерность, основа и сияние, она — основание бытия, опрокинутое в бездну. Но, к несчастью, мы воспринимаем в ней лишь отсутствие чего бы то ни было, отсюда наши страхи и провалы. Для нас она — прозрачный тупик, осязаемый ад», - утверждает Эмиль Чоран.

Преодолев в себе иллюзию материального мира, человек становится причастным к освобождающей истине Пустоты. И это причастие является единственной реальной ценностью, которую он способен обрести на протяжении своей жизни. Ценностью, связанной с образованием формы и её растворением, с ограничением безграничности и наоборот.

5). ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ БУДУЩЕЕ.

«Как мне высказать самое последнее? – спрашивал австрийский философ Людвиг Витгенштейн. – «Но это последнее мне как раз и нет необходимости высказывать, ведь это конец, к которому мы приходим, стена, в которую мы все упираемся». На этой стене принято изображать различные символы веры.

Понятия «Небытие», «Ничто» и «Пустота» самостоятельны и одновременно образуют единство.

Каждое из этих понятий имеет свои особенности. Для обозначения первоосновы бытия более приемлемым представляется понятие «Ничто». Это связано с тем, что оно, помимо обозначения чистого отсутствия утверждает наличие самостоятельной, самодостаточной, хотя и неопределённой сущности. Именно такая интерпретация Ничто близка к «апейрону» греческого философа Анаксимандра, встречается в трудах представителей европейской «негативной теологии» (Н.Кузанский) а также у целого ряда философов-мистиков, например, у Якова Бёме.

Абсолютное Ничто – бесконечная Пустота – представляет собою самостоятельную идеальную сущность. Материальный мир является случайным аномальным состоянием Ничто. Наделённое коллективным сознанием человечество олицетворяет высшую ступень развития материального мира, посредством которой Ничто осознаёт само себя. В результате онтологическая функция вселенной становится исчерпанной.

История вселенной и наделённого мышлением человечества – это круговорот Ничто и его конечное возвращение к полноте своей абсолютности. Жизнь каждого человека – это маленькая модель вселенского круговорота, которая завершается соединением с Ничто. Человечество стремится укрепить свои позиции в материальном мире, развивая искусственную среду материальной и псевдодуховной культуры. Оно не замечает «иллюзорности прогресса – этой хитрой попытки сознания бытия приручить себе время».(А.Чанышев) Но зыбкая почва неизбежно уходит из под ног, и каждое новое поколение снова обращается в ноль - для того чтобы уступить своё место следующему. Поэтому человечеству давно пора вспомнить своё основное онтологическое предназначение, которое заключается в осознании Абсолютного Ничто. Воить Ничто означает оседлать саму смерть, осознать её смыслообразующую функцию и превратить её из неизбежной окончательной катастрофы в основное средство своей сущностной самореализации. Воля к смерти означает возможность не подчиняться, а повелевать ею, и стать господином самого себя. Пришедший на смену растерявшему в погоне за потреблением волю к власти Сверхчеловеку Сверхноумен - волит смерть и являет само Ничто.

Сверхчеловек (нем. «Übermensch») — понятие, введённое философом Фридрихом Ницше, которое стало центральным в его произведении «Так говорил Заратустра». Это была попытка заменить «устаревший и исчерпавший себя» образ христианского человека новым, более современным и концептуально совместимым с идеями Ницше об идеальном человеке будущего. Безусловно, на формирование ницшеанского образа Сверхчеловека в определённой степени повлиял дарвинизм. Как от обезьяны произошёл человек, так из человека должен произойти сверхчеловек. В своем становлении Сверхчеловек преодолевает

три стадии: верблюда, льва (критика) и младенца (созидательное начало). Вопреки популярным интерпретациям, сверхчеловек не воин и не вождь (первый в стаде), а скорее гений. В современном мире ницшеанский Сверхчеловек превратился в существо, которое пытается овладеть планетой и космосом, потому что рассматривает их как место своего проживания и средство выживания. Сверхчеловек впал в тотальную зависимость от всего им созданного, подменяя человеческое в человеке суррогатом духовного. В сущности, он давно уже духовно мёртв, поскольку не смог выдержать искушения потреблением. Это произошло потому, что система (пастух и стадо) научилась использовать в своих целях даже то, что ей объективно противостоит.

В отличие от Сверхчеловека, являющий Абсолютное Ничто Сверхноумен, мыслит категориями уничтожения, которое выступает как духовное созидание. Он не пребывает «по ту сторону добра и зла», потому что для него не существует сторон, нравственных и прочих ценностей и, тем более, оценивающих. Единственной, да и то, относительной, ценностью и реальностью для Ничто является оно само.

Сверхноумен, будучи нераздельным с самим Ничто, ежедневно настигает смерть, но, подобно Будде, окончательно возвращается к самому себе лишь после выполнения своей онтологической функции: растворить существование в Пустоте. Ведь самосознание Духа – это не есть банальная биологическая смерть, а неуклонная воля к смерти, отрицающая абсолютно всё, и, в конечном итоге – отрицающая саму смерть. Всеобщий характер нигилизма приводит к тому, что встреча с Абсолютом требует масштабных жертв. На заключительной ступени своего развёртывания Ничто отрицает само себя, не только проявленный (материальный), но также и духовный мир. Происходит исчезновение самого исчезновения. Поэтому окончательное «будущее – это превышение всех ставок смерти» (*Azsacra Zharatustra*), или Духовная горизонталь Ничто.

ГЛАВА 4. ДУХОВНАЯ ГОРИЗОНТАЛЬ НИЧТО.

"Открыв антологию религиозных текстов, я сразу напал на такое изречение Будды: "Ни один предмет не стоит того, чтобы его желать". Я тотчас же закрыл книгу, ибо что ещё читать после этого?"

(Эмиль Чоран)

Наполнить собственную жизнь смыслом - постепенно это становится основным мироощущением и мировоззрением. Повседневная жизнь уходит на второй план.

Удивительно не то, что кругом происходит, а что из чего берётся и куда деваётся. Человек, являясь частью запрограммированного на самоуничтожение мира, неуклонно устремлён вместе с ним в Ничто. Объективное содержание всех происходящих в материальной вселенной процессов составляет аннигиляция, возвращение к исходному нулю. Как с учётом этого можно построить новую духовную линию, соединяющую человека с Ничто? Чтобы ответить на этот смыслообразующий вопрос, нужно вновь обратиться к экзистенциальным решениям, предложенным в «Трактате о небытии» русским философом Арсением Чанышевым. Итак, в конце своей апологии Небытия он приходит к таким выводам:

- «1. Небытие первично и абсолютно.
2. Небытие беспредельно во всех отношениях.
3. В своей беспредельности оно есть свое собственное небытие.
4. Небытие небытия есть бытие.
5. Бытие вторично и относительно. Абсолютного бытия нет.
6. Бытие как небытие небытия неустойчиво.
7. Выражением неустойчивости бытия является время.
8. Все существующее существует во времени.
9. Следовательно, все возникает и погибает.
10. Возникновение и гибель неравномощны. Все возникает на время и погибает навечно.
11. Атрибутом бытия является абсолютная гибельность.
12. Бытие первично, сознание вторично.
13. Основа сознания - память.
14. Благодаря памяти сознание приобретает видимость субстанциональности.
15. Осознанная гибельность есть страдание. Страдание - атрибут сознания.
16. Страдание заставляет сознание измысливать мир абсолютного бытия, то есть Бога.
17. Так возникает «сознание бытия» - религиозное в своей сущности сознание.
18. Вся предшествующая философия - варианты «сознания бытия».
19. Но Бога нет.
20. Поэтому возникает «сознание небытия»: «сознание небытия» делает бытие прозрачным и видит за ним небытие.
21. Страдание перерастает в ужас.

22. Ужас заставляет сознание отрицать не только иллюзорное «сознание бытия», но и себя, и бытие.
23. Мир погибает,
24. Если ужасу не будет противопоставлено мужество, «мужество небытия».
25. Это высший вид мужества. «Мужество бытия» - мужество быть несмотря ни на что. «Мужество небытия» - мужество быть несмотря на ничто.
26. Знать, что все проходит, и в то же время не впадать в ужас - вот чему учит подлинная философия, «философия небытия».

Мы видим, что Чанышев совершенно справедливо заметил: осознание неизбежности Небытия причиняет человеку страдание. Поэтому, а также потому, что действительность, как правило, прямо противоположна человеческим представлениям о справедливости, люди переносят свои надежды на восстановление справедливости и приобщение к вечности в духовную область. На самом деле, уже Гегель высмеивал идею о том, что всемогущий Бог пристально следит за каждым действием сапожника Иоганна, заноса его бессмысленное ковыряние в носу на скрижали, как говорится, Вечности. Эта свойственная людям иллюзия так же пуста, как и все остальные мифологемы, порождаемые страданиями самосознающего бытия.

С другой стороны, религиозное сознание человека содержит в себе многовековой опыт преодоления страха и страданий, который можно и нужно использовать. Так, в христианской традиции страх Божий выступает как начало премудрости. Основной принцип заключается в том, что, если чего-либо сложно избежать, следует изменить своё отношение к этому, превратив таким образом страдание из источника унижения в смыслообразующий фактор. Материалист Чанышев не в состоянии преодолеть страх Небытия и поэтому его страх закономерно перерастает в ужас. Причём это не Ужас, приоткрывающий и объясняющий Ничто, о котором писал в своих ранних работах Хайдеггер, а скорее ужас безысходности, стремящийся найти решение проблемы, не выходя за пределы принципа материального единства мира. («Я существую потому что меня приводит в ужас, что я существую, - говорит Сартр. – Это я, я сам извлекаю себя из небытия к которому стремлюсь»). Согласно философскому материализму смерть материальна и отсрочить её возможно, лишь воздействуя на материю, то есть, научным путём. «Может ли наука когда-нибудь сделать людей бессмертными? - спрашивал в начале 20 века русский философ Владимир Эрн. –«На это нужно сказать: никогда. Что же касается бесконечности в прогрессе науки, то надежда на этот бесконечный прогресс не может ничего дать потому, что наука, развиваясь и прогрессируя в известном смысле бесконечно, в то же время все с большей определенностью познает и свои границы. Развиваясь в

одном направлении, наука суживалась в другом и откидывала все то, что было чуждо ее принципам. Говорить о возможности для науки уничтожить смерть — это значит игнорировать принципы науки». Впрочем, сам Чанышев, в силу особенностей своих философских взглядов, видимо не допускал возможности преодоления биологической смерти.

Но возможно ли преодолеть или смягчить сопутствующие смерти и осознанию смерти страдания? Отчасти возможно, если обратить страдания в позитив, как это принято во многих мировых религиях. А что касается христианства, то оно прямо строится на обожествлении страданий. Христианские святые отцы, в частности, прямо утверждали, что если человек долго не страдает – это очень плохой знак, поскольку это означает, что от него отвернулся Бог. Как писал один школьник в своём сочинении, обращённом к Богу: «Если я попаду в ад, Ты меня там увидишь и будешь смотреть, как надо мной издеваются?»

И действительно, страдание выполняет важнейшую смыслообразующую функцию. Вырывая человека из рутины повседневности оно избавляет его от многочисленных, скрывающих страшную истину Ничто иллюзий и раскрывает ему глаза на подлинное положение вещей. Не случайно, именно с созерцания картин человеческих страданий начинается путь будущего Будды к просветлению. Человека, который прошёл через страдания, крайне редко можно причислить к обывателям и заставить подчиняться мнениям толпы. Осознание истины Ничто помогает человеку понять и преодолеть свою собственную ничтожность.

«Страдание изменяет темперамент, концепции, позиции, оценки, меняет направления существования, таким образом, любое сильное и длительное страдание воздействует на интимную основу существа. Изменяя внутреннюю основу существа, страдание имплицитно меняет и отношение его к миру. Это изменение перспективы, изменение понимания и чувствования. После того как ты страдал долгое время, тебе кажется невозможным, тебе сложно представить свою жизнь без него, так как любое страдание отчуждает тебя от твоих естественных установлений и переводит тебя на экзистенциальный план твоих сущностных устремлений. Таким образом, из человека, рожденного для жизни, страдание делает святого, замещая все его иллюзии язвами и гангреной отказа. Отсутствие покоя, которое следует за страданием помещает человека в такое напряжение, в котором нельзя быть посредственностью. Апатия, вульгарный скептицизм и поверхностный имморализм могут быть разрушены страхом, тотальным беспокойством, плодотворным террором и всеобщим страданием», - рассуждает в своей последней книге «Признания и проклятия» Эмиль Чоран.

Ещё одна важнейшая составляющая религиозного пути духовного самосовершенствования – это отказ от привязанности к материальному миру в пользу развития собственной духовности. «Земная жизнь и сопутствующие ей блага греховны. Отрекись от земной жизни, и ты обретёшь жизнь вечную», - призывает своих последователей христианство. «Преимущество умерших состоит в том, что они отмыты от греха существования», - вторит святым отцам Сартр. Православный путь духовного самосовершенствования, изложенный в

книге «Лествица» («лестница») святого Иоанна Лествичника, представляет собой программу последовательного отказа от привязанности к земной жизни путём преодоления в себе соответствующих желаний и грехов. Во-многом аналогично выстроен и так называемый «Тарикат» - система духовного развития мусульман – суфиев. По словам суфийского пророка 11 века Аль-Газали, «учение суфиев стремится к тому, чтобы освободить сердце от всего, что не Бог, и сделать единственной его жизнью размышления о Божестве». Многовековая традиция суфизма выработала свой путь достижения Абсолюта - знаменитый «Путь Суфия», включающий в себя три ступени совершенствования: закон, собственно путь и окончательную истину. Этот Путь включает в себя, в частности, покаяние, осмотренность и добровольное принятие нищеты. При этом нищета понимается как осознание того, что всё, вплоть до психических состояний и самого «Я» не является достоянием человека:

«Ходжа Насреддин зашёл в лавку, и к нему подошел торговец.

- Прежде всего, о главном. Ты видел, как я вошёл? - спросил его Ходжа.

- Конечно, - отвечал торговец.

- А раньше ты меня встречал?

- Первый раз тебя в жизни вижу.

- Так откуда ты знаешь, что это вошёл я?».

Я никто, я победил своё Я – с полным правом восклицает суфий.

Итак, Путь преодолен и суфий достиг третьей, последней ступени самосовершенствования. Это «Хакикат» - то есть, Истина. Здесь интуитивно познаётся сама сущность истины, а сознание человека растворяется в объекте созерцания. Скрытый смысл суфийского Пути загадочно звучит во вдохновенных строках Джелаладдина Руми:

«Присоединись к братству - почувствуешь радость реальной жизни. Пройдись по разрушенной улице и взгляни на смятенных владельцев развалин. Выпей чашу волнения, ибо ты не чувствуешь стыда самосознания. Разбей земляного идола, чтобы увидеть других идолов. Зачем ради большого приданого жениться на старухе - за три куска хлеба в рабство себя отдавать зачем?»

Похожие идеи мы встречаем и в философии неоплатонизма: чтобы соединиться с Единым – мистической всеобщей первоосновой, которая может определяться как Ничто, поскольку пребывает за пределами любых определений – необходимо отказаться от многого. То есть, от многочисленных зримых и незримых нитей, привязывающих человека к миру.

Начиная с того времени, когда бытие и сознание выделились из Небытия, всё сущее стало называться бытием, но, тем не менее, полностью сохранило своё сущностное основание в качестве искажённой формы Небытия. Небытие включает в себя всё и поэтому оно само в себе содержит собственный смысл. Производное от Небытия бытие также производит свой смысл из Небытия. Иначе говоря, мы живём для того, чтобы преодолеть жизнь. Согласно одному из высказываний Сартра, «смысл нашего существования «заключается в сознании того, что оно лишнее».

Как уже было сказано, человеку свойственно собирать вещи, чтобы закрываться ими от созерцания окончательной истины. «Вещи выставляют себя напоказ, поверяя друг другу гнусность своего существования. Я понял, что середины между небытием и разомлевшей избыточностью нет», - заметил в этой связи Сартр. Поэтому не случайно, что, начиная с древности и вплоть до наших дней, многочисленные религиозные и философские учения призывают к аскетическому самоограничению. Только отбросив материальное, человек освобождает свой дух для соединения с Ничто. Чем больше уменьшается значение Эго, тем больше приоткрывается истинная суть Небытия, Ничто, как всеобщего универсального основания духовности, не имеющего ни начала, ни конца. Эти положения могут выглядеть достаточно банально, но они подкреплены многовековым духовным опытом лучших представителей человечества, которые на практике доказали их истинность. Ведь, согласно утверждению Борхеса, на самом деле в культурном пространстве человечества присутствуют всего лишь несколько ключевых сюжетов. А всё остальное представляет собой их вариации.

Есть творцы, которые изображают неземные миры Ничто. В начале 20 века швейцарский художник Ходлер писал портреты своей умирающей жены. В его картинах видимым знаком окончательного момента истины становится горизонталь. «Все предметы, - говорил он, - тяготеют к горизонтали, стремятся раскинуться по земле, как растекается по ней всё шире и шире вода». Умирающая женщина уходит в игру красок, словно бы струящуюся счастьем – между вертикальным падением и горизонтальным покоем. Так Ходлер празднует исчезновение её плоти. Поэтому и наша новая духовная вертикаль также развивается по нисходящей линии, напоминая собой перевёрнутую букву «Т». Она отличается от всех других программ духовного самосовершенствования человечества в первую очередь тем, что в ней наиболее честно заявляется всеобщая устремлённость в Ничто:

1. Не родиться.
2. Не быть вовсе.
3. И, следовательно, как можно скорее настичь смерть. (AZsacra ZARATHUSTRA)

После того, как человеку удаётся настичь смерть, для чего совершенно не обязательно умереть физически, устремлённая вниз вертикаль его совершенствования соединяется с Духовной горизонталью Ничто.

Мы видим, что Чанышев был неправ, Бог есть, но находится за пределами жизни. Духовность также реально существует, несмотря на то, что, в среде современных адептов «научной картины мира», превративших науку в объект своего религиозного поклонения, данное понятие считается средневековым атавизмом. В действительности духовная область Ничто является единственной достоверной реальностью, а каждое «духовное существо свободно от противоречий, случайностей и иллюзий материальной жизни» (Алистер Кроули). Мир, разумеется, погибнет, но это событие станет моментом окончательного освобождения духа из-под гнёта материи и великим триумфом Небытия. Жизнь есть страдание - учит нас первая благородная истина буддизма – и, следовательно,

уничтожение страдания заключается в уничтожении материи. Ведь «для того чтобы осмыслить процесс освобождения и сделать возможным водворение свободы в царстве причинности и обусловленности, необходимо признать возможность уничтожения смерти как внешнего факта» (Владимир Эрн). Когда человек настигает смерть, он превращает её а в факт собственной духовной жизни, то есть, в факт внутренний. Знать, что всё проходит, и испытывать счастье – в этом заключается та высшая ступень духовного саморазвития, достижение которой одновременно означает соединение с Духовной горизонталью Ничто.

Ничто и есть то самое, что многие средневековые мистики называли Богом. Ничто существует посредством всего. Посредством тебя самого, всего остального. Всего, что воспринимается и невоспринимается. Несмотря на то, что всё вокруг представляется разделённым, во Вселенной есть только одна единая форма бытия – Небытие. Смысл может определяться по отношению к чему-либо. А отношение возникает, когда присутствует разделение. Но если Ничто является всем, Единым, если нет разделения, как найти смысл? Следовательно искомый смысл содержится в самом Ничто, которое равнозначно вечности. Ведь если перестать рассматривать Небытие только с одной точки зрения - относительно жизни – становится возможным понимание вечности Небытия. А для этого разум должен выйти из состояния погружённости в повседневность, превращающей жизнь в заведомо безнадежную «борьбу за существование». «Я существую – вот моя единственная неприятность», - говорит один из героев Сартра. В действительности человек борется не за существование, а исключительно со своим собственным пониманием Небытия. Люди заботятся о своём теле и не знают того, что наша природа едина с Пустотой. Для ограниченного сознания обывателя Небытие раскрывается как угроза, в то время как угрозу и страдания несёт в себе жизнь. После прихода к истинному пониманию Небытия, всё то, что воспринимается, как потеря, на самом деле оборачивается освобождением. Никакие потери во временном, биологическом существовании не могут сравниться с тем, что приобретается в результате этого освобождения. А приобретается понимание Абсолютного Ничто, которое находится здесь. Оно присутствует в вас. Оно является вами, а вы являетесь им, даже если пока не понимаете этого. Искомое понимание будет означать окончание бессмысленной конкуренции человека с окружающими и с самим собой.

Бог Абсолютного Ничто рождается в силу своего уничтожения. Настигать смерть – в этом заключается созидание Ничто смертью. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить её на жизнь.

ГЛАВА 5. ИСХОД.

«Надо признаться, что пессимизм, буквально понимаемый лишь непосвященными – его путают с ипохондрией, – позволяет на самом-то деле весьма бодро и утешительно глядеть на окружающий тебя мир. Поскольку все есть в конечном счете ничто и имеет лишь относительную ценность, то выходит, волноваться решительно не из-за чего». (Август Стриндберг)

...Понимание и реализация всего, о чём здесь говорится, требует наличия определённого вида силы духа, которая приходит только в подготовленное пространство. Эта духовная сила питает волю к смерти. Древние римляне говорили «*respice finem*», что означает «обращай внимание на исход дела». Исход – это вектор бегства и преследования, когда преследователем становится настигающий смерть Сверхноумен.

В истории философии едва ли кто-нибудь изображал трагизм человеческой жизни сильнее, чем Будда. Мрачный взгляд на мир, который в неявной форме присутствует в упанишадах, в учении Будды занимает основное положение. Будда приходит к выводу, что жизнь – это страдание, стремление к сохранению своей индивидуальности – мучительно, а постоянные изменения судьбы – ужасны. Несовершенство человеческой природы заставляет нас увидеть, что любая жизнь – это проклятие. Поэтому человек, измученный сознанием всего

этого, в отчаянии восклицает: "Я хочу умереть!". От страданий можно избавиться, только перестав существовать.

Мыслящих людей всегда угнетали эти, согласно выражению Достоевского, «последние вопросы». Так, Кант в своей статье о "Неудаче всех философских попыток теодицеи" (1791), задает вопрос:

"Захочет ли какой-либо здравомыслящий человек, проживший достаточно долгое время и размышлявший о значении человеческого существования, снова заняться этой скучной жизненной игрой не то что на прежних условиях, но вообще на каких бы то ни было?"

Экзистенциальное отчаяние выдающихся мыслителей, является следствием их мышления. Знание – болезнь. Тем, кто не мыслит, значительно легче.

Немецкий философ 20 века Г.Файхингер считал, что только пессимизм способен породить объективный взгляд на мир и реальное положение вещей. Если рациональное, согласно его представлениям, принципиально ограничено, то последнее слово остаётся за иррациональным и его проявлением— волей. Мышление, в понимании Файхингера, выступает орудием воли, оно несамостоятельно. Но руководимое волей, пребывающее в виде практического разума, мышление обретает новую силу и возможности.

Предназначение человечества и человека заключается в осознании и реализации Ничто. Тому, кто действует в соответствии с собственным предназначением, помогает инерция всей вселенной. Согласно философии даосизма, во всех путях – один и тот же Путь, по которому движется мир и все предметы его составляющие. Этот Путь ведёт из Ничто, через его осознание людьми, обратно в Окончательное Ничто. Не стоит забывать о том, что всеобщее ограничение потребностей имело бы для мира материального намного более тяжёлые последствия, чем самая разрушительная война. Именно поэтому даоагрессия Сверхчеловека направлена на разрушение материи и созидание духовности. В этом заключается единственно возможное позитивное понимание жизни как борьбы, которая приближает всеобщий переход в Ничто. «Я призываю вас не к работе, но к борьбе», - так говорил ницшеанский Заратустра.

При этом мы различаем два вида смыслообразующей и смыслоразрушающей активности. Первый – это деятельность, представляющая собой процесс активного взаимодействия субъекта с миром, во время которого субъект удовлетворяет свои потребности. Это и есть так называемый труд. Обычно происходит так, что трудовая деятельность (работа), а также потребление её результатов приобретают статус суррогатного смысла человеческой жизни, направленного на утверждение бытия в материальном. Разум человека ищет всевозможные уловки для того, чтобы перестать мыслить Ничто. Но мысль человека – это тоже проявление Ничто, вот почему любые виды деятельности в результате каждой конкретной человеческой жизни и, тем более, в масштабах всего челове-

ства, дают всё тот же исходный ноль. Остаётся непонятным, зачем вообще тратить силы на то, чтобы существовать, а ведь, помимо этого, необходимо платить за каждое усилие, выходящее за пределы чистого факта существования. Единственный выход заключается в том, чтобы отказаться не только от результатов деятельности, но и от самой деятельности, направив в продуктивное духовное русло большую часть наших возможностей.

Поэтому даоагрессия Сверхноумена, выступающая как активность второго вида, проявляется через спонтанное прямое действие, которое помогает достигнуть смерть и по смыслу противоположно деятельности. Известна фраза Наполеона, которую он произнес, когда его спросили, в чем заключается главный секрет его стратегии: «Надо, не раздумывая, ввязаться в бой, а там видно будет».

«Избыточная осознанность мешает всякому делу (в том числе жизни) Слишком длинные рассуждения о сексуальности убивают её. Эротизм - этот бич разлагающихся обществ - есть посягательство на инстинкт, организованная импотенция. Невозможно безнаказанно размышлять о подвигах, для совершения которых не нужны никакие размышления. Оргазм никогда не был событием философским», - писал в этой связи Эмиль Чоран.

Согласно учению Льва Толстого – и богатство, и власть, и сама жизнь, то есть всё, что с таким старанием обустроивают и берегут люди, - если и стоят чего-нибудь, то только того удовольствия, с которым всё это можно отвергнуть. «Завоевать себе свободу и священное «Нет» даже перед лицом долга – для этого, братья мои, нужно стать Львом», - говорил ницшеанский Заратустра. Прямое действие, выражающее Отказ - вот единственный вид поступка, который не является унижительным. Наслаждение Отказом в чём-то сродни парадоксальному восторгу отчаяния. В этой связи очень показательна история жизни и смерти японского писателя Юкио Мисимы.

За свою сравнительно недолгую жизнь (1925-1970), Мисима успел прославиться также как спортсмен-культурист, режиссер, актер театра и кино, дирижер симфонического оркестра, летчик, путешественник и фотограф. 25 ноября 1970 года он предпринял попытку монархического переворота и, потерпев поражение, совершил харакири. Философские взгляды Мисимы наиболее полно выражены в его комментариях к средневековому самурайскому кодексу «Хагакурэ Нюмон».

Исходный пункт рассуждений Мисимы: Путь самурая- это путь смерти. В этой связи Мисима презрительно отзывается о современных мужчинах, которые, на его взгляд, слабы и малодушны. Поэтому они недостойны ни жизни, ни смерти. Виной этому - утрата традиции и, как следствие - феминизация мужчин и их растущая алчность. «Большинство молодых людей, которые служат в наши дни, одержимы мелочными устремлениями. Они смотрят на людей подлыми взглядами карманных воров». Мисима глубоко убежден в том что в современ-

ном мире нельзя ни красиво жить, ни красиво умереть, поскольку повсюду утвердилась воинствующая пошлость. Сексуальной революции он противопоставил идеал тайной любви: «Высказанная любовь неизбежно теряет свое достоинство. Подлинная любовь достигает высочайшего идеала, когда человек уносит с собой в могилу ее тайну». Только смерть является действенным лекарством для страждущей души, хотя современная цивилизация стремится подавить в человеке естественный инстинкт смерти. Но, подавленный, он неизбежно пробуждается и тогда смерть берет свое, но уже в грубых и безобразных формах, поскольку вместе с традицией человек утратил и культуру смерти. «Мы не умеем извлекать из смерти благородную суть и заставлять ее работать на нас».

Как восстановить утерянную традицию? Для этого необходима в первую очередь решимость. Добиваться цели нужно даже в том случае, если ты знаешь, что обречен на поражение. Провозглашая решимость, Мисима исповедует свой экстремизм. Он считает, что впадение в крайность может служить духовным трамплином для осознания ценности смерти. Обычно философия основывается на расчетах, в которых жизнь считается приобретением, а смерть потерей - чтобы перевернуть этот уютный и привычный мир, нужно совершить насилие над собственным здравым смыслом и интеллектом. Вот почему Мисима стоит на позициях антиинтеллектуализма, что роднит его взгляды с ранними формами европейского фашизма. «Интеллектуалы за разговорами и умствованием скрывают тщедушие и алчность», - презрительно бросает он в адрес записных теоретиков. В отличие от них, Мисима выступает как сторонник экстремизма и прямого действия. «Преданность и почитание придут вместе с одержимостью», - учит он, противопоставляя бесплодному теоретизированию мощь и спонтанную гармоничность чистого действия.

Если человек достиг высокой степени одержимости, перед ним открываются ворота смерти. При этом между добровольной и вынужденной смертью нет никаких различий. Нельзя умереть «за правое дело», поскольку природа смерти абсолютна, а любая цель относительна. На распутье между жизнью и смертью самурай выбирает ЛЮБУЮ смерть.

...Сгустившуюся тишину разорвал его крик: "Да здравствует император!" Выдохнув последние слова, он с силой вогнал клинок себе в живот. Будто раскаленный прут пропорол его насквозь. Обжигающий, как лед, жар раны мгновенно сменился нестерпимой, обволакивающей все тело болью. Он вцепился в сталь обеими руками и, вспахав кишки, довел лезвие до правой стороны живота. Муки самурая по обычаю должен прекратить секундант. Морита в волнении смог отсечь ему голову только с третьего удара. Другие источники утверждают, что он так и не смог этого сделать, и другой самурай, отобрав у него меч, закончил дело. Хотя какая разница: голова Мисимы, пачкая кровью, покатила по красному казенному ковру. Верный Морита тоже распорол себе живот, его

голову отсек Фуру Кога. Одуревшая и испуганная полиция ворвалась наконец в залитый кровью кабинет.

«Даже бессмысленная смерть - смерть, которая не принесет ни цветов, ни плодов, - обладает достоинством Смерти Человека. Если мы так высоко ценим достоинство жизни, как мы можем не ценить достоинства смерти? Никто не умирает напрасно». (Юкио Мисима)

Если рассуждать с позиций безусловного пессимизма, то любая естественная смерть одновременно является смертью насильственной, иначе говоря, казнью, «искуплением за грех существования». А самоубийство представляет собою добровольную смерть, при которой человек сам для себя выполняет функцию палача. Возможно, что когда-нибудь в мире установится практика, согласно которой люди будут сами выбирать срок своего возвращения в Ничто. В смерти наше совершенство достигает своего предела. Древние называли умершего «вернувшимся к началу». Умри вовремя – так говорил Заратустра. А сегодня по-прежнему существуют многочисленные запреты, полузапреты и доводы, направленные против самоубийства. При этом наиболее убедительный аргумент против самоубийства предложил всё тот же Эмиль Чоран: «Избавиться от жизни – это означает лишиться себя удовольствия ежедневно смеяться над ней». С другой стороны, прекрасно и то, что жизнь, буквально ежедневно преподносит нам всё новые поводы для того, чтобы не жить.

Своей жизнью и смертью Мисима показал, что он явно ошибся миром или, по крайней мере, эпохой. Необходимо понимать, что его последняя акция не являлась банальным самоубийством. Это было прямое действие, представлявшее собой смыслообразующий Отказ. Что касается самоубийства, то оно, как правило, совершается не по причине философского отрицания жизни, а всего лишь потому, что данного субъекта не устраивает его место в жизни. Даже известные философы – пессимисты (за исключением Филиппа Майнлендера) прилагали изрядные интеллектуальные усилия для того, чтобы остановить развитие своей мысли у этой критической черты. Ведь, в принципе, метафизическое отчаяние Майнлендера может разделить любой честный философ, но совсем другое дело – разделить его участь. Разумеется, можно дожить до глубокой старости, уныло рассуждая о бренности жизни, но совсем иное – радостно повеситься и тем самым доказать временно остающимся в живых свою интеллектуальную честность. Совершенно очевидно, что из утверждений пессимистов относительно абсурдности и несовершенства жизни прямо следует вывод о самоубийстве и попытки Артура Шопенгауэра и Эдуарда Гартмана отклонить этот вывод своей крайней слабостью, казалось бы, подтверждают его неизбежность. Первый говорит, что самоубийство есть ошибка, потому что в нём истребляется не сущность зла (мировая воля), а только явление. Но никакой самоубийца и не ставит себе такой нелепой задачи, как истребление сущности вещей. В качестве страдающего явления он хочет избавиться от своей жизни как мучительного явления — и такой цели он, несомненно, достигает с точки зрения самого Шопен-

гауэра, который при всем своём пессимизме не может утверждать, чтобы мертвые страдали. Что касается Гартмана, то он, вполне признавая, что последняя цель есть именно самоубийство, требует, чтобы отдельный человек в интересах человечества и вселенной воздерживался от личного самоубийства и посвящал свои силы на подготовку средств ко всеобщему Универсальному Самоубийству, которым должен окончиться исторический и космический процесс. Это — высший нравственный долг, тогда как убивать себя, чтобы избавиться от собственных страданий, свойственно людям, стоящим на низшей, эвдемонистической ступени этики. Последнее, конечно, справедливо, но его собственный принцип безусловного пессимизма логически исключает всякую другую этику. Другое дело — антифилософия Ничто, рассматривающая смысл конкретной человеческой жизни в контексте универсальной задачи всего человечества, связанной с осознанием Абсолютного Ничто. В таком контексте все, в том числе и апокалиптические страхи человечества, приобретают противоположный, позитивный смысл.

Известно, что в коллективном сознании самых различных народов присутствует представление о неизбежности более или менее близкого «конца света». У человечества нет будущего, но зато есть варианты кончины. «Небо ни для кого не открыто — оно откроется лишь после исчезновения мира», — утверждал ранний средневековый философ Тертуллиан.

Существует так называемая эсхатология — система взглядов и представлений о «конце света», искуплении и загробной жизни, о судьбе Вселенной или её переходе в качественно новое состояние. Различаются индивидуальная эсхатология, то есть учение о загробной жизни единичной человеческой души, и всемирная эсхатология, то есть учение о цели космоса и истории и их конце. Эсхатологические настроения присутствуют во многих религиях и верованиях различных народов мира. Особое развитие эсхатология получила в иудаизме и в христианстве («Страшный суд»), затем в исламе.

Эсхатологические идеи в различном историческом контексте воспринимались в качестве фатальной угрозы или — если рассматривать материальный мир как болезненную рану Небытия — как светлая надежда, обещающая всему и всем последнее и окончательное прекращение страданий. Как говорил Паскаль: «Иисус будет в смертельных муках до конца мира — не должно спать в это время». Интересно, что в России, в правление царя Алексея Михайловича, крестьяне периодически прекращали работу на полях и, закрывшись в храме, радостно ждали гибели мира. Но, не дождавшись, вынуждены были возвращаться к своей бессмысленной сельскохозяйственной активности. Однако, хотя предсказания о конкретных сроках универсального перехода в Небытие, сделанные в разные эпохи, не сбывались, необходимо помнить о том, что излечение мира от болезни существования в любом случае неизбежно. Самое печальное в человеческой жизни заключается в том, что люди столетиями переходят в Небытие, так и не увидев и не узнав самого сокровенного. Хотелось бы верить в то, что

мы станем счастливым исключением и что мир соединится с Ничто уже при жизни этого поколения. Бог должен осуществиться как взрыв, а взрыв должен осуществиться как Бог. Исход – это акт, обратный творению. Вселенная исчезает, когда человеческий Дух спокоен и просветлён. Человечество забудет обо всём и возвратится в Небытие, существовавшее до начала времени. Что может быть лучше для человека, нежели чем достойная смерть? И что может быть лучше для человечества, как не светлый и радостный конец света?

Ежедневно просыпаясь, люди начинают готовиться к восприятию дневных галлюцинаций, составляющих наш мир. Но в одно прекрасное утро они с облегчением обнаружат, что туман рассеивается. Впечатляющую картину одного из вариантов крушения универсальной иллюзии нарисовал Сартр в своём философском романе «Тошнота»:

«Люди проснутся однажды утром и, открыв окна, удивятся какому-то жуткому смыслу, который внедрился в вещи и чего-то ждёт. Только и всего, но стоит этому хоть немного продлиться и люди сотнями начнут кончать с собой... И тогда я расхожусь и крикну бегущим мимо: «Чего вы добились вашей наукой? Чего вы добились вашим гуманизмом? И где твоё достоинство, мыслящий тростник?»

Именно в ожидании наступления этого прекрасного, проникнутого восторгом отчаяния окончательного дня, люди, по примеру первых христиан, время от времени укрываются в подземельях. Требуется определённый внутренний размах для того, чтобы сознательно искалечить собственную жизнь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ДВЕНАДЦАТЬ ТЕЗИСОВ О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ.

1. Понятия «Небытие», «Ничто» и «Пустота» самостоятельны и одновременно образуют триединство.
2. Абсолютное Ничто существует именно в силу своего несуществования, постоянно поглощая разрозненные фрагменты бытия. Движение - это вечный процесс уничтожения. Таково основное свойство Ничто: оно ничтожит.
3. Вселенная – это утраченное бытие изначальной Пустоты, в которой существование и несуществование не противостояли друг другу. С помощью человеческой мысли Ничто осознаёт само себя (Бог опосредствованно рассматривает своё творение), и таким образом бытие мира становится осмысленным. В итоге онтологическая функция вселенной в целом завершена.
4. Бог Абсолютного Ничто рождается в силу своего уничтожения. Чтобы быть совершенным, нужно решиться не быть. Настигать смерть - в этом заключается созидание Ничто смертью. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить её на жизнь.
5. Бытие и сопутствующие ему страдания иллюзорны: потому что Небытие есть, а бытия нет. Положение человека в жизни практически ничем не отличается от его положения во гроб. Человек бывает охвачен страхом, когда на что-

то надеется. Боится умереть, потому что надеется на жизнь. Надежда умирает первой. Безднадёжность - это качество, доступное лишь очень сильным.

6. Преодолев в себе иллюзию материального мира, человек становится причастным к освобождающей истине Пустоты. И это Причастие является единственной реальной ценностью, которую он способен обрести на протяжении своей жизни. Ценностью, связанной с образованием формы и её растворением, с ограничением безграничности и безграничностью ограниченного, с упразднением и того и другого.

7. Древние римляне говорили «respice finem», что означает «обращай внимание на исход дела». Исход - это вектор бегства и преследования, когда преследователем становится наступающий смерть Сверхноумен.

8. Инаковость Сверхноумена заключается в его осознанной устремлённости в Ничто: лучше быть всеми убитым, чем всеми признанным. Бог абсолютного отрицания требует колоссальных жертв. Сегодня символы Пустоты страшнее, чем символы власти.

9. Даоагрессия Сверхноумена проявляется через спонтанное прямое действие, которое помогает достигать смерть и по смыслу противоположно деятельности. Это – действие, адекватное вечности.

10. Исход – это акт, обратный творению. Вселенная исчезает, когда человеческий Дух спокоен и просветлён. Человечество забывает обо всём и возвращается в Небытие, существовавшее до начала времени.

11. На заключительной ступени своего развёртывания Ничто отрицает само себя, отрицает не только проявленный (материальный), но также и духовный мир. Происходит исчезновение самого исчезновения. Поэтому «окончательное будущее - это превышение всех ставок смерти».

12. Любой компромисс не только не содержит в себе, но и полностью исключает смысложизненные цели.

Наша встреча в Ничто неизбежна.

Здравствуй, Капитан Души!

